

Авантюристъ начала XVIII вѣка.

Къ исторіи приѣма иностранцевъ на русскую службу.

(Изъ семейнаго архива).

1.

Покрытые вѣковой пылью старыя документы похожи на заглохшій костеръ, тлѣющій у дороги. Невнимательный путникъ броситъ разсѣянный взглядъ на сѣрую кучку золы и пройдетъ мимо. Но путешественникъ, привыкшій наблюдать, остановится и подумаетъ: кто-то прошелъ здѣсь раньше меня. И концомъ своей палки расшевелитъ забытый огонь. И вдругъ ярко вспыхнетъ дремавшее пламя, согрѣетъ его и освѣтитъ ему дальнѣйшій путь.

Скучны и непривлекательны на видъ мертвыя страницы стариннаго архива. И кажется, что не стоитъ тратить на знакомство съ ними времени, такъ дорого цѣнимаго въ нашъ стремительный вѣкъ. Но стоитъ любопытнымъ рукамъ прикоснуться къ нимъ, какъ потеря времени вознаградится сторицею. Съ полустлѣвшихъ листовъ глянетъ на насъ оживающее далекое прошлое, давно угасшія образы воскреснутъ и одѣнутся плотью, давно забытые люди станутъ двигаться и говорить. И мы увидимъ ту же комедію жизни, что разыгрываемъ сами, ту же борьбу страстей и интересовъ, тѣ же чаянія и тѣ же разочарованія. И часто извлечемъ много утѣшительнаго и примиряющаго съ жизнью.

2.

„Въ нынѣшнемъ, 1701 году, Декабря въ 31-й день, писалъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу изъ Смоленска бояринъ и воевода Петръ Самойловичъ Салтыковъ, съ жильцомъ Аврамомъ Радищевымъ.

„Что Декабря въ 8-й день пріѣхали въ Смоленскъ изъ Польши, съ письмомъ князя Григорія Долгорукова, французовъ офицеровъ 16 человекъ. А въ томъ письмѣ написано: отпустилъ онъ изъ Варшавы призванныхъ офицеровъ въ его Великаго Государя службу: генераль-инженера Бертрана ¹⁾, маіора пѣхотнаго, полковника коннаго, полуполковника, капитановъ 11 человекъ, да порутчика, давъ имъ карету и нанявъ лошадей фурманскихъ. А офицерамъ, по ихъ прошенію при отпускѣ ихъ изъ Смоленска, на харчъ, чѣмъ доѣхать до Москвы, дано изъ артиллерійской казны 82 рубли съ полтиною.

Для того, что, говорили они ему, боярину и воеводѣ, что имъ до Москвы въ дорогѣ удовольствоваться съѣстнымъ харчемъ нечѣмъ; которые-де у нихъ были ефимки и тѣ-де ефимки они въ дорогѣ исхарчили. И буде имъ въ Смоленскѣ на харчъ денегъ не дадутъ и имъ-де доѣхать до Москвы нечѣмъ. Для того та дача имъ и дана“.

Такъ появляется на горизонтѣ возрождающейся Россіи герой нашего очерка. Въ глухую зимнюю пору, въ компаніи съ такими же смѣлыми и голодными искателями счастья, онъ пробирается по первобытнымъ дорогамъ неизвѣстной полудикой страны и, послѣ тяжелаго путешествія, въѣзжаетъ въ кривые, узкіе, занесенные снѣгомъ переулки ея столицы.

„И тѣ иноземцы на Москвѣ въ государственномъ по-сольскомъ приказѣ явились и распрашиваны, и о службѣ ихъ взяты у нихъ свидѣтельствоваанныя пасы и переведены“.

Впрочемъ, генераль-инженеръ Бертранъ никакихъ документовъ не предъявилъ.

„А о службахъ пасовъ не явилъ. А сказалъ, что у генераловъ пасовъ не бываетъ“.

¹⁾ Фамилія измѣнена.

Свѣдѣнія, которыя далъ о своемъ прошломъ французскій выходецъ, страдали излишней краткостью. Родился въ Дофинѣ, служилъ въ Королевской французской арміи „въ разныхъ чинѣхъ и генераломъ“. Участвовалъ „во многихъ бояхъ“ противъ англичанъ и голландцевъ во Фландріи и другихъ мѣстахъ. Потомъ (неизвѣстно по какой причинѣ) перешелъ на службу къ польскому королю и служилъ въ Варшавѣ „у пѣхоты генераломъ“ годъ и 4 мѣсяца. „И нынѣ призванъ къ великому Государю на службу“.

Чѣмъ руководствовался князь Долгорукій (русскій посоль при польскомъ дворѣ), нанимая на русскую службу неизвѣстнаго ему человѣка—сказать трудно. Изъ договорнаго письма видно, что Бертранъ присвоилъ себѣ какой-то необыкновенный титулъ: „крайняго художества инженерскаго и архитейсковики воинской президента“ и въ качествѣ такового долженъ былъ получать, по условію, „корму по 130 ефимковъ на мѣсяць и подарокъ“.

Хотя старыя бумаги даютъ довольно скудныя свѣдѣнія о дѣятельности генераль-инженера Бертрана въ Россіи, однако является безспорнымъ, что ему удалось занять сразу довольно высокое положеніе и вращаться въ сферахъ, непосредственно близкихъ къ Великому Преобразователю. Имѣлъ ли онъ право на тотъ чинъ, которымъ онъ подписывался, или нѣтъ, но въ военно-инженерномъ дѣлѣ онъ очевидно кое-что смыслилъ, а потому явился несомнѣнно полезнымъ человѣкомъ, о чемъ и свидѣтельствуютъ неоднократно его письма какъ къ Федору Алексѣевичу Головину, такъ и къ самому Государю.

Въ 1702 году Бертранъ подаетъ черезъ Головина Царю записку объ организаціи инженерной части въ русской арміи.

„Его Имперіальское Величество укажетъ генералу Бертрану все, что изволить крѣпить, приступать, оборонять мѣста, содѣлованіе пристанищъ морскихъ, стѣнъ, которыя противъ морскихъ волнъ, прокопы, и никому воздастъ отвѣтъ о его дѣяніи, токмо Его Величеству и Вамъ, мой Государь“.

Другими словами, Бертранъ добивался полной „автономіи инженернаго управленія“.

Далѣе онъ требуетъ „чтобы генералы конницы и пѣхоты сходились съ генераломъ инженеромъ во время единыя осады, освѣдомиться отъ него, егда будетъ время конницѣ работать фасины, а пѣхотѣ туры и рыть землю. И дать ему

ихъ батальоны, которые онъ прошать будетъ остереганія ради работающихъ и отпора ради непріятеля“.

Въ отношеніи артиллеріи Бертранъ идетъ далѣе и находитъ необходимымъ поставить ее въ подчиненное отношеніе инженерамъ.

„Яко такожде комиссары артиллеріи и иные офицеры сего дѣла должны будутъ покоряться инженерамъ въ единой осадѣ, токмо единомысленно, работаютъ они въ ихъ мѣстахъ воинскихъ батеріи пушекъ, батеріи мортировъ и оную малыхъ пушечекъ и тако и проч. яко во Франціи“.

Это „яко во Франціи“ повторяется нѣсколько разъ въ запискѣ и служитъ, въ глазахъ составителя, повидимому, рѣшающимъ, безапелляціоннымъ аргументомъ.

Въ заключеніе Бертранъ проситъ себѣ чина лейтенанта-генерала „сіе есть мѣстодержащаго генерала“.

Неизвѣстно, была ли принята записка Бертрана къ руководству, но „мѣстодержащаго“ онъ не получилъ.

Такъ или иначе, безвѣстный выходецъ изъ Франціи пріобрѣтаетъ значеніе, вращается въ кругу приближенныхъ Петра и не разъ удостоивался личныхъ отъ него порученій. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ считаетъ себя въ правѣ писать Государю: „никоторый изъ иностранцевъ такъ фамиллярно не приближался, какъ я, къ Вашему Величеству“.

3.

Россія жила колоссально ускореннымъ темпомъ. Десятилѣтіями нараставшія стремленія къ свѣту и новымъ формамъ жизни осуществлялись теперь почти съ молніеносной быстротой. Старыя подпорки рушились одна за другою, и нужно было только поспѣвать ставить новыя, для чего требовалась масса умѣлыхъ и расторопныхъ рукъ. Некогда было разбирать, насколько онѣ чисты. Вотъ почему на-ряду съ тѣми, имена которыхъ съ уваженіемъ сохранить наша исторія, на-ряду съ Брюсами, Чемберсами, Огильви, Баурами и пр. Москва была наводнена разношерстной массой жадныхъ искателей счастья, главное достоинство которыхъ заключалось въ прекрасномъ аппетитѣ, а главное горе въ невозможности удовлетворить его у себя дома.

Ясно, что въ общемъ стремленіи къ одной цѣли—государевой казнѣ—все сбилось въ кучу, въ которой, въ концѣ

концовъ, стало тѣсно. Создалась, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, атмосфера постоянной интриги, свары, недоброжелательства, атмосфера „поджоги“. И не замедлили появиться пикантныя разоблаченія.

„Полуполковникъ“ де-Гверенъ чего-то не подѣлилъ съ генераломъ Бертраномъ. Слѣдствіемъ явилось письмо (по-французски) къ Головину, въ которомъ доблестный полуполковникъ отдѣлываетъ своего соотечественника, что называется, подъ орѣхъ.

„Я узналъ, пишетъ онъ, что нѣкій Бертранъ, выдающій себя въ Москвѣ за генерала и который во Франціи и въ Польшѣ снискивалъ себѣ пропитаніе черченіемъ и рисованіемъ, имѣетъ наглость клеветать на меня и на всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ въ Москву французскихъ офицеровъ“.

Де-Гверенъ ручается честнымъ словомъ, что изъ всей ихъ компаніи нѣтъ ни одного, который не стоялъ бы неизмѣримо выше этого провансальскаго хвастуна (*de se taisvais fanfaron provençal*), все хваленое знаніе котораго зиждется на неисчерпаемомъ нахальствѣ“.

Наполнивъ цѣлыхъ двѣ страницы бранью по адресу своего врага, почтенный полуполковникъ выдаетъ ему въ концѣ концовъ печальную аттестацію, какъ „удивительному трусишкѣ (*admirable poltron*), которому нѣкоторые изъ нашей компаніи неоднократно указывали его мѣсто, на что Бертранъ отвѣчалъ лишь на подобіе тѣхъ великолѣпныхъ англійскихъ договъ, которые довольствуются ворчаніемъ и лаемъ, не рѣшаются укусить“.

Но этого мало: разсерженный де-Гверенъ утверждаетъ, что Бертранъ обманулъ Царя: онъ вовсе не состоялъ на службѣ короля польскаго. Обвинитель ссылается на свидѣтелей, которые могутъ подтвердить это (и нужно сознаться, что таинственное отсутствіе „паса“ также подтверждаетъ это обвиненіе).

Былъ ли де-Гверенъ самъ лицомъ, мало заслуживающимъ довѣріе, или просто на его письмо не обратили должнаго вниманія, полагая, что не все ли равно, каково было прошлое Бертрана, разъ онъ теперь дѣлаетъ свое, полезное для государства, дѣло, но, повидимому, доносъ послѣдствій не имѣлъ. Наоборотъ, Бертранъ не только продолжалъ свою службу въ Москвѣ, но и получилъ прибавку содержанія. вмѣсто 130-ти, ему стали платить 150 ефимковъ въ мѣсяцъ.

4.

Великія событія шли свсимъ путемъ, а на ихъ фонѣ, какъ мелкія, быстро бѣгущія облака на фонѣ грозовой тучи, сплетались и сталкивались личные интересы и шла борьба самолюбія, тщеславія и алчныхъ вожделѣній.

Къ лѣту 1702 года пошли слухи о томъ, что шведы намѣреваются напасть на Архангельскъ. Немедленно же Петръ отправляется навстрѣчу опасности, взявъ съ собою большую часть своихъ сотрудниковъ. Генераль-инженеръ Бертранъ находится въ ихъ числѣ.

Незамѣтно проходили лѣтніе дни. Сивѣло сѣверное небо, шумѣли сосновые лѣса, бѣлые паруса носились надъ зелеными волнами. Царь сходилъ съ кораблей на берегъ, потомъ опять садился на корабли и плылъ въ другое мѣсто. Не хватало часовъ въ суткахъ. Сегодня въ Архангельскѣ, завтра въ Повѣнцѣ, послѣ завтра опять на берегу Студенаго моря. Палатки то и дѣло складывались и снова разставлялись—все на новыхъ мѣстахъ.

Можно было видѣть воочию, какъ геній человѣка подчиняетъ себѣ природу. Какъ, взявъ ее, словно кусокъ глины, онъ лѣпитъ изъ нея то, что ему нужно, заставляетъ ее служить своимъ человѣческимъ цѣлямъ. И дикіе лѣса и море подчинялись родившейся въ головѣ человѣка идеѣ: тутъ возникала земляная звѣзда укрѣпленія, тамъ каменное жало мола вливалось въ самую гущу сердитыхъ волнъ. Лѣсныя чащи уступали мѣсто безконечнымъ просѣкамъ, пустынные берега рѣкъ обросли складами и магазинами.

16 августа подпоручикъ Лефортъ сказалъ генералу Бертрану, что „Царское Величество съ транспорта перешелъ на сухой путь“. И Бертранъ пошелъ „своей должной поклонъ отдать и получилъ Царскаго Величества очи видѣти въ палаткѣ у г-на генерала Ивана Ивановича Чамберса“.

Государь пробылъ въ палаткѣ недолго, принялъ угощеніе и уѣхалъ. Бертранъ подошелъ къ вице-адмиралу ¹⁾, и они „пріятно поступали и другъ другу старую имѣющую межъ собою недружбу простили“, послѣ чего вице-адмиралъ уѣхалъ на свой корабль.

¹⁾ Фамилія неизвѣстна.

Не успѣлъ онъ скрыться, какъ Памбургъ, капитанъ корабля, успѣвшій уже хватить изрядную порцію голландской водки, началъ ни съ того, ни съ сего ругаться.

„Для чего ты съ такимъ гунифотомъ помирился? Знатно, такой же и ты гунифоть“, приставалъ онъ къ Бертрану.

Лекарь Постниковъ тоже изрядно нагрузился по случаю прїѣзда Царя. Онъ раскачивался на походномъ стулѣ, держась за палаточную палку, и смѣялся всему, что говорилось.

Бертранъ не смутился замѣчаніемъ Памбурга.

„Я ссориться съ тобой не хочу,—возразилъ онъ спокойно, всякъ знаетъ, что я не гунифоть“.

„Молчи, ты и ротъ свой держи! продолжалъ сердиться Памбургъ. Въ моей волѣ, что я тебя въ карманъ мой всуну“.

„Мой любезный голландецъ, отшучивался Бертранъ.—Я емь зѣло великъ, что ты хочешь въ карманъ меня всунуть. Будемъ лучше по-прежнему добрыми друзьями пребывать“.

И опять Постниковъ засмѣялся назойливымъ смѣхомъ пьяваго человѣка.

Памбургъ накинулся на него.

— Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагахъ биться!

И, присоединяя къ словамъ дѣло, онъ схватилъ бѣднаго эскулапа за рукавъ кафтана и вытащилъ вонъ изъ палатки, въ намѣреніи драться съ нимъ на дуэли.

Бертранъ, Чамберсъ и Кенигсекъ бросились за нимъ. Бертранъ обнялъ расходившагося голландца и отвелъ въ сторону, говоря:

— Другъ мой, покинь сіе: ты вѣдаешь повелѣніе нашего Государя. И, сверхъ того, немного себѣ чести получишь, что съ пьянымъ докторомъ биться станешь.

Остальные увели Постникова, и такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Но безпокойному капитану не хотѣлось идти въ палатку, куда его звалъ Бертранъ; его тянуло на волю. Бертранъ, уступая его желанію, отдалъ епанчу мальчику, и прїатели пошли къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу.

Наступалъ вечеръ. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась близость моря и сосноваго бора. Лагерный шумъ постепенно утихалъ, и

душой Бертрана овладѣлъ давно не испытанный покой. Онъ снялъ треуголку. Вѣтеръ слегка шевелилъ пряди его легкаго лѣтняго парика и пріятно обдувалъ голову. Вокругъ разстилался мирный ландшафтъ; деревушка виднѣлась на пригоркѣ; слышалось мычаніе стада, возвращавшагося домой. Бертранъ думалъ о своей безпокойной, бездомной жизни, и чувства, похожія на зависть, шевелились въ его душѣ при взглядѣ на бѣдныя крыши деревенскихъ домиковъ. Будеть ли когда-нибудь и у него свой кровъ и свой очагъ?

Такъ вошли они въ лѣсъ, и вѣковыя сосны обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили отъ внѣшняго міра. Тогда Памбургъ, молчавшій всю дорогу, внезапно обнажилъ свою шпагу и, глядя тяжелымъ взглядомъ на спутника, сказалъ:

— Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отвѣдай голландца, каковъ голландецъ.

Очнувшійся Бертранъ невольно попятился назадъ, но, сохраняя спокойствіе духа, отвѣтилъ:

— Ты опять за свое. Покинь сіе, и пойдемъ лучше обратно въ палатку. Тамъ завеселимъ себя виномъ.

Но Памбургъ съ злобнымъ упрямствомъ пьянаго дурака повторялъ:

— Вынимай шпагу или я тебя заколю!

— Вспомни Государевъ указъ, Памбургъ, уймись,—просилъ Бертранъ.

Но голландецъ уже насѣдалъ на него. Отступая, Бертранъ наткнулся, въ своихъ большихъ нѣмецкихъ сапогахъ, на корень и упалъ, но во-время ухватился за дерево и поднялся. Кровь бросилась ему въ голову отъ сознанія опасности. Быстро выхвативъ оружіе, онъ остановился.

— Памбургъ, пожалуй, покинь сей обычай. А я себя заколотъ не дамъ и по нуждѣ буду дѣлать, какъ надлежитъ.

— Боронись, сколько можешь! — крикнулъ въ отвѣтъ голландецъ и яростно кинулся впередъ.

Все кончилось во мгновеніе ока. Шпага Бертрана пробила кафтанъ, грудь, сердце Памбурга, и бѣдный капитанъ грянулся на землю, не издавъ ни звука...

Генераль Чамберсъ сидѣлъ еще за столомъ, куря трубку и бесѣдуя съ Керхеномъ, Кенигсекомъ и Лефортомъ, когда входъ въ палатку распахнулся и вошелъ Бертранъ. Не отвѣчая на веселыя привѣтствія, онъ остановился передъ Чамберсомъ.

— Я закололъ Памбурга. На поединкѣ.

Съ минутоу длилось молчаніе. Потомъ Чамберсъ всталъ.

— Отдайте, государь мой, вашу шпагу.

Безпрекословно генераль-инженеръ исполнилъ приказаніе. Точно также не протестовалъ, когда Керхенъ отвелъ его въ палатку и приставилъ къ ней карауль. Голько громко, такъ что слышали всѣ собравшіеся вокругъ, воскликнулъ:

— Предаюсь въ волю Государеву!

А Чамберсъ съ Кенигсекомъ пошли въ лѣсъ, на указанное Бертраномъ мѣсто, осмотрѣть тѣло убитаго.

„И нашли успяца на спинѣ, а шпага у него въ рукѣ на голо“...

5.

„И ево, Памбурга, погребъ, а животы его послалъ переписать Керхена, да съ нимъ полкового писаря Григорія Рубцова“.

Такъ писалъ Чамберсъ Федору Алексѣвичу Головину.

Не лишенъ интереса списокъ вещей, оставшихся послѣ погибшаго Памбурга. Изъ него можно усмотрѣть, что иностранцы, состоявшіе на службѣ Царя, были довольно зажиточные люди.

Въ первомъ сундукѣ:

„Персона Государева золотая. И положена та персона во французскомъ красномъ кафтанѣ.

Шпага, у ней черенъ серебряной.

Кафтанъ французской и камзолъ суконные дикого цвѣту, подбиты чернымъ сукномъ.

Кафтанъ французской лазоревой. Около ево всего петли, золото съ серебромъ, подбитъ сукномъ лазоревымъ. Пуговицы обшивныя, золотомъ и серебромъ. Камзолъ и штаны атласъ бѣлой, травы золотныя; подбитъ камзолъ бѣлою тафтою.

Подпояска турецкая красная“ и т. д.

Въ другомъ сундукѣ:

„Мѣшокъ атласной, шить золотомъ и серебромъ. А въ немъ 6 золотыхъ двойныхъ, да одинакихъ 140 золотыхъ, да $\frac{1}{4}$ ефимка серебрянаго.

348 рублевъ, 7 алтынъ, 2 деньги.

14 книгъ морскихъ, 11 тетрадей съ листовымъ золотомъ

7 скатертей столовыхъ, 20 полотенецъ ручныхъ столовыхъ, 3 простыни, 5 платковъ нѣмецкаго полотна, шестой шелковой, 8 паръ манжетъ“ и т. д.

Вся роспись занимаетъ 8 страницъ.

„Такова подлинная роспись за закрѣпою стольника двинскаго воеводы Василя Ржевскаго“.

6.

Убийство Памбурга не имѣло печальныхъ послѣдствій для нашего героя. Повидимому, Петръ, разобравъ дѣло, избавилъ его отъ тяжелой кары, которой подвергались нарушители его указа о дуэляхъ. На это указываютъ и нѣкоторыя письма Бертрана, въ которыхъ онъ напоминаетъ, что жизнь его принадлежитъ Царю, такъ какъ Царь даровалъ ему эту жизнь.

Кампанія въ Ингерманландіи 1703 года была имъ продѣлана вмѣстѣ съ Государемъ. Если вѣрить самому Бертрану, онъ обнаружилъ въ этой кампаніи все свое искусство и всю свою науку и сдѣлалъ столько, сколько самъ „бывшій господинъ маршалъ де-Вобанъ прежь сего съ тридцатью и сорока человекъ чинилъ“. Особенно онъ отличился при взятіи Нотебурга, за что, по его словамъ, былъ награжденъ орденомъ „въ присутствіи пословъ Европейскихъ“.

Послѣ взятія Ніеншанца, опять таки если вѣрить тому что написано въ письмѣ Бертрана къ Петру I, на него было возложено порученіе осмотрѣть, вмѣстѣ съ Гавр. Ив. Головкинымъ, то мѣсто, на которомъ впослѣдствіи возникъ Петербургъ.

Звѣзда французскаго выходца горѣла ярко до середины 1704 года, но затѣмъ свѣтъ ея сталъ быстро меркнуть. Что послужило причиной этого? Документы на этотъ счетъ хранятъ молчаніе.

Бертранъ принималъ участіе въ осадѣ Нарвы и, послѣ взятія этого города, жилъ въ немъ довольно широко, если принять, напримѣръ, во вниманіе, что у него на конюшнѣ стояло 8 лошадей и что онъ бывалъ запросто у кн. М. М. Голицына и Г. И. Головкина.

Но затѣмъ что-то случилось. Оправдались ли слухи о его самозванствѣ, удалось ли просто завистникамъ и врагамъ возстановить противъ него власть имущихъ, но въ

октябрѣ 1704 года Бертрану приходится писать жалобу Государю на притѣсненія со стороны фельдмаршала Огильви.

„Такою досаду мнѣ учинили, жалуется онъ, о достоинствѣ чина моего споруютъ. И самъ г-нъ фельдмаршалъ Огильви сказалъ, что мнѣ достоинства въ чинѣ нѣтъ. И караулъ мой при квартирѣ моей въ Нарвѣ отняли. И къ тому пришло, что онъ мѣсто или скамейку, гдѣ я въ Киркѣ нашей всегда сидѣлъ, замкнуть велѣлъ“.

Въ 1705 году судьба бросаетъ генераль-инженера въ Гродно, вмѣстѣ съ отрядомъ, посланнымъ на помощь польскому королю Августу II-му. Что дѣлалъ онъ тамъ—неизвѣстно, но, когда Карлъ XII подошелъ къ Гродно и осадилъ этотъ городъ, Бертранъ исчезъ. Какъ опытный пловецъ, чующій приближеніе опасности, онъ скрылся подъ поверхностью житейскаго моря и вынырнулъ только въ Копенгагенѣ, откуда имѣется его письмо къ Головкину отъ 25 іюля 1706 года.

Свое исчезновеніе Бертранъ объясняетъ тѣмъ, что король Августъ на четвертый день обложенія шведами Гродно (съ одной лишь стороны) уѣхалъ изъ этого города въ Варшаву, и онъ, Бертранъ, послѣдовалъ за нимъ, какъ за своимъ господиномъ, который лишь на время „одолжилъ“ его Царю.

Русскіе источники (переписка барона Литца, русскаго чрезвычайнаго посла въ Берлинѣ) смотрятъ на этотъ поступокъ нѣсколько иначе, называя его просто побѣгомъ со службы. И если принять во вниманіе, что Бертранъ сопровождалъ Августа II только до Варшавы, а затѣмъ очутился въ Германіи, между тѣмъ какъ король поѣхалъ въ Краковъ, то придется пожалуй согласиться съ официальной версіей.

7.

Не успѣваетъ, однако, герой нашего разсказа очутиться за границей, какъ его начинаетъ неудержимо тянуть обратно въ Россію. Письмо къ Головкину, о которомъ я упоминалъ выше, было лишь началомъ цѣлой серіи писемъ къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ Бертранъ извиняется, оправдывается, объясняетъ свой поступокъ на разные лады, проситъ разрѣшенія вернуться, предлагаетъ Царю набрать искусныхъ инженеровъ во Франціи, а также пытается

вернуть себѣ расположеніе различными „дипломатическими“ ходами.

Такъ, онъ доноситъ Государю, что русскій посолъ въ Копенгагенѣ А. П. Измайловъ ведетъ образъ жизни, не соотвѣтствующій своему званію, и компрометируетъ себя въ глазахъ иностранцевъ: „не дѣлаетъ чести своему чину бѣднымъ житіемъ своимъ“; что голландская королева пожелала его, Бертрана, видѣть, и онъ восхвалялъ передъ ней „нравы Величества Вашего и правительства Московіи“, „что послѣдняя побѣда надъ шведами, которыхъ половину Вы искоренили (Лѣсная?) и корабельный бой чинить въ Европѣ дьявольской шумъ“; что „во Франціи болѣе не сумнѣваются, что Москва весьма въ иное состояніе превратилась, какъ и не чаяли“ и т. п. И, наконецъ, усиленно проситъ денегъ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Россію и „умереть на службѣ Его Величества“.

Ни на одно изъ этихъ писемъ Бертранъ отвѣта не получилъ и въ 1708 году, окончательно, какъ кажется, потерялъ надежду возвратиться въ Россію.

Съ этого времени до 1711 года мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

8.

Въ страстную субботу, 4-го апрѣля 1711 года, „маіоръ дю-журъ“ фонъ-Хеннигенъ, пользуясь хорошей погодой, рѣшилъ уѣхать изъ Берлина на всю Пасхальную недѣлю и передалъ на это время исполненіе своихъ обязанностей капитану фонъ-Зондерслебену.

Какъ разъ въ первый день праздника получилось приказаніе коменданта немедленно арестовать нѣкоего француза Бертрана, приставивъ ефрейторскій караулъ къ его квартирѣ.

Приказаніе объ арестѣ явилось слѣдствіемъ требованія русскаго правительства, переданнаго черезъ барона Литца. Бывшій генераль-инженеръ обвинялся: 1) въ побѣгѣ со службы въ военное время; 2) въ печатаніи пасквилей противъ Петра I и князя Меншикова и 3) въ ношеніи неприсвоеннаго ему русскаго ордена.

Бертранъ въ это время жилъ въ Берлинѣ, въ домѣ аптекаря Ламбле въ Соборномъ переулкѣ и находился въ весьма плачевномъ матеріальномъ положеніи. Онъ велъ

переговоры съ правительствомъ Венеціанской республики о принятіи его на службу въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ, и дѣло это, повидимому, налаживалось. Но въ ожиданіи будущихъ благъ ему сильно приходилось бѣдствовать.

Караулу у арестованнаго была дана инструкція: одному изъ его состава безотлучно находиться въ комнатѣ Бертрана и слѣдить за нимъ. Караульному начальнику на главной гауптвахтѣ и рунду было вмѣнено въ обязанность тщательно провѣрять новый карауль.

Дѣло было праздничное, и мысли капитана Зондерслебена безъ должнаго вниманія останавливались на служебныхъ дѣлахъ. Поэтому, при раздачѣ пароля фельдфебелямъ тѣхъ ротъ, которыя должны были вступить въ караулы, онъ сообщилъ о существованіи новаго караула, а объ инструкціи упомянуть забылъ. Правда, караульные начальники на главной гауптвахтѣ, по самому существу своихъ обязанностей, должны были, какъ при главной, такъ и при дневной рондѣ, провѣрять службу новаго караула, но они, вѣроятно тоже по случаю праздника, а можетъ быть потому, что это такъ уже и велось въ берлинскомъ гарнизонѣ, дѣлали это достаточно небрежно. Фельдфебеля же караульныхъ ротъ, при утреннемъ рапортѣ, доносили капитану Зондерслебену, что все обстоитъ благополучно.

Ефрейторъ и 3 рядовыхъ, караулившіе Бертрана, не снабженные точными указаніями, не знали собственно, что имъ дѣлать. Поставивъ ружья въ уголокъ полутемной прихожей, они потихоньку разговаривали, выходили на улицу, курили, зубоскалили съ черноглазой Софьей, служанкой м-ше Бертранъ, спали на деревянномъ диванѣ у входной двери. Изрѣдка заглядывали въ комнату къ арестованному. Тотъ неизмѣнно сидѣлъ за столомъ, среди груды бумагъ и писалъ.

Бертранъ писалъ много и упорно: писалъ барону Литцу, повѣренному Царя, писалъ самому Царю, писалъ Головкину, писалъ секретарю Венеціанской республики, составилъ прошеніе королю прусскому объ освобожденіи его изъ-подъ ареста.

Положеніе его дѣйствительно было печально. Со дня на день онъ могъ ожидать выдачи русскимъ властямъ и отправки въ Россію. Образъ несчастнаго Паткуля, выданнаго Августомъ Карлу XII и казненнаго ужасной казнью, не выходилъ у него изъ головы, ежечасно напоминая, какъ опасно ссориться съ могущественными монархами.

Бертраяъ уже не настаиваетъ, какъ прежде, на своемъ званіи генераль-инженера, не утверждаетъ съ гордостью, что весь свѣтъ видѣлъ его «всего въ брилльантахъ», заслуженныхъ имъ, подвергаясь „100 милліоновъ разъ опасности быть убитымъ“. Онъ готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ чиновъ и отъ ордена и снова „довольствоваться лишь именемъ Бертрана“, только бы его оставили въ покоѣ и сняли бы приставленный къ нему карауль.

Ко всѣмъ несчастьямъ присоединилось безденежье. Въ карманѣ Бертрана оставалось всего 8 талеровъ, и черезъ нѣсколько дней ему съ женой грозилъ голодъ.

Положеніе становилось отчаяннымъ.

9.

Въ 10 час. вечера, 14-го апрѣля, поручикъ фонъ-Ширштедтъ, съ тремя солдатами, обходилъ главной рондой ввѣренные ему посты. Ночь была темная, безлунная. Все спало мирнымъ сномъ. Весеннія звѣзды теплились надъ острыми черепичными крышами домовъ.

Поручикъ Ширштедтъ, со свойственнымъ его 23-хъ лѣтнему возрасту легкомысліемъ, думалъ, что хорошо было бы, если бы чортъ побралъ всѣхъ арестованныхъ на свѣтѣ, изъза которыхъ приходится не спать по ночамъ и ломать ноги но далеко не безупречнымъ берлинскимъ мостовымъ. Доставалось отъ него коменданту за то, что онъ учредилъ этотъ глупый постъ въ какомъ-то Соборномъ переулкѣ, вмѣсто того, чтобы просто посадить француза на гауптвахту. Вообще служба стала черезчуръ тяжела. За послѣдніе 10 дней ему пришлось дважды быть караульнымъ начальникомъ и одинъ разъ начальникомъ главнаго патруля. Если такъ пойдетъ дальше, то прямо хотъ подавай въ отставку.

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи дошелъ поручикъ до дома аптекаря, трехъэтажной постройки, съ единственнымъ выходомъ на улицу. На стукъ въ дверь, въ верхнемъ этажѣ открылось окно и выглянула взъерошенная голова заспаннаго солдата.

„Wer da?“

„Lieutenant Schierstedt nebst patrole. Ist alles richtig?“.

„Alles ist richtig, mein Lieutenant“.

Собственно слѣдовало бы подняться наверхъ и провѣрить службу караула. Старый фельдфебель Бусе, который, за свои

64 года, собаку съѣлъ на всякой службѣ, совѣтовалъ обратить вниманіе именно на этотъ караулъ. Но впереди еще три „визитаціи“ и смертельно хочется поскорѣе кончить эту канитель и вернуться на гауптвахту.

„Ничего не случится. Не убѣжить. Какъ ему убѣжать когда единственный выходъ охраняется?“.

Поручикъ Ширштедтъ не угадалъ. Именно въ эту ночь съ 14-го на 15-ое апрѣля 1711 года, бывшій московскій генераль-инженеръ Бертранъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, спустившись изъ окна 3-го этажа по веревкѣ.

Возникло дѣло. Къ суду была привлечена масса лицъ: майоръ Хеннигенъ, капитанъ ф. Зондерслебенъ, 8 поручиковъ и прапорщиковъ, нѣсколько фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, жена Бертрана, хозяйинъ дома и нѣсколько лицъ, способствовавшихъ побѣгу.

Изъ лежащаго передо мной объемистаго дѣла (Acta Inquisitionalia) явствуетъ, что въ началѣ XVIII вѣка караульная служба въ королевской резиденціи Берлинѣ неслась весьма неудовлетворительно. Распоряженія по гарнизону отдавались большею частью не въ приказахъ, а устно, во время раздачи пароля майоромъ „дю-журъ“, что конечно не могло не вести къ недоразумѣніямъ. Въ данномъ случаѣ изъ 8-ми караульныхъ начальниковъ нѣкоторые знали о распоряженіи тщательно провѣрять службу караула, другіе не знали. Одинъ слышалъ это распоряженіе изъ устъ ротнаго командира; другой—фельдфебеля. Обязанности караульнаго начальника и начальника главнаго патруля не были, повидимому, ясно разграничены. Такъ, одинъ изъ первыхъ объяснилъ на судѣ, что онъ полагалъ, что повѣрять караулъ у арестованнаго долженъ не онъ, а начальникъ патруля.

Судъ закончился печально для виновниковъ служебной небрежности. Майоръ Хеннигенъ и капитанъ Зондерслебенъ были приговорены къ „реприманду“ и къ вычету мѣсячнаго содержанія; ефрейторы: Сембке—къ 1 мѣсяцу и Шаде къ 6-ти мѣсяцамъ каторжныхъ работъ; фельдфебель Бусе къ воспрещенію исполненія адъютантскихъ обязанностей и т. д.

Между прочимъ изъ дѣла видно, что тогдашній оффиціальнѣйшій военный нѣмецкій языкъ былъ положительно наводненъ исковерканными французскими словами: „echarpieren“, „arrivieren“, „visitieren“, „repondieren“, „confrontieren“, „passaten“ (прохожіе), „evasion“, „ronde“, „negligence“, „diverter“ (различныѣ), такъ и пестрятъ на каждой страницѣ.

Видно также и то, что допросъ велся съ пристрастіемъ и если обвиняемый артачился и не хотѣлъ показывать, что отъ него требовалось, то ему надѣвали на шею какой-то стальной воротникъ. Впрочемъ, одной угрозы прибѣгнуть къ этому средству было обыкновенно достаточно, чтобы развязать языкъ.

10.

Бертранъ бѣжалъ въ Дрезденъ, имѣя фальшивый паспортъ на имя Антонія Пилони. Но долго въ этомъ городѣ не оставался, опасаясь, что и тамъ доставутъ его руки сѣвернаго колосса, становившіяся все длиннѣе съ каждымъ годомъ. Онъ продолжалъ свое бѣгство на югъ и скрылся окончательно изъ вида гдѣ-то въ Италіи.

Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ лишь одно письмо Бертрана, а именно Петру I-му, написанное въ Ливорно 6 іюня 1715 года и полученное въ Петербургъ 11 іюля того же года.

Старый авантюристъ, повидимому, съ сожалѣніемъ, съ тоской вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ состоялъ на службѣ Царя и былъ очевидцемъ и даже участникомъ чудеснаго созиданія великой сѣверной державы. Быть можетъ, дѣйствительно въ его жизни, полной лишеній и ожесточеній вѣчной борьбы за существованіе, это былъ единственный періодъ, когда онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и матеріально и нравственно: былъ обезпеченъ хорошимъ содержаніемъ, стоялъ на равной ногѣ съ людьми знаменитыми своими дѣлами и своими именами, дѣлалъ дѣйствительно нужную и полезную работу, не имѣя надобности прибѣгать къ средствамъ темнымъ и сомнительнымъ. Быть можетъ, Московія явилась для него второй родиной, родиной сердца и духа. Его вѣчное стремленіе въ эту суровую страну изъ богатыхъ и ласковыхъ западныхъ странъ какъ будто подтверждаетъ это.

Бертранъ проситъ Царя простить его за внезапное бѣгство изъ Россіи, которое онъ объясняетъ интригами своихъ враговъ.

„Чаю—пишетъ онъ—что время все Вамъ открыло и я дерзаю уповать, что Ваше Величество милость свою покажете и свѣту окажете, что Вы тѣхъ не оставляете, которые Вамъ какой пользы были“.

Изгнанникъ вспоминаетъ свою службу въ Ингерманландскомъ походѣ и при ваятїи Нарвы и умоляетъ разрѣшить ему вернуться въ Россію и свое „подданство возобновить“.

Онъ пишетъ, что изъ уваженія къ своему званію русскаго генераль-инженера онъ никуда не поступилъ на службу (про переписку съ Венеціанской республикой умалчиваетъ), „чего ради истощалъ и такъ бѣдна себя нахожу, какъ Іовъ“. И проситъ поскорѣе выслать ему извѣстную сумму денегъ „чѣмъ бы персонально мою покорность объявить прїѣхать могъ“.

Письмо заканчивается увѣреніями въ вѣчной преданности Царю и въ готовности за него умереть.

11.

На этомъ кончается исторія генераль-инженера Бертрана, и судьбу его снова окутываетъ мракъ неизвѣстности, изъ котораго, 14 лѣтъ назадъ, онъ вышелъ на границѣ двухъ странъ и двухъ эпохъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ людей, которыхъ водоворотъ великихъ событій всегда достаетъ изъ темныхъ глубинъ жизни и выбрасываетъ на поверхность, съ тѣмъ, чтобы, черезъ короткое время, снова похоронить въ вѣчной тьмѣ. Исторія не создается этими людьми, но ища личныхъ выгодъ, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, они приспособляются къ ея великимъ теченіямъ, и дѣятельность ихъ нерѣдко бываетъ полезна для человѣчества, быть можетъ, даже необходима.

Великій мыслитель Колумбъ открылъ Америку. Но могла ли бы она получить такое быстрое и блестящее развитіе безъ искателей приключеній: Кортаца, Пизарро и многихъ другихъ?

Великій Императоръ Петръ двинулъ Россію по пути прогресса. Но легко ли было бы ему сдѣлать въ такой короткій срокъ такую страшную работу безъ массы авантюристовъ, — крупныхъ и мелкихъ, — хлынувшихъ въ Москву въ чаяніи наживы?

А въ наше время — положи руку на сердце — развѣ мы мало встрѣчаемъ среди передовыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни авантюристовъ — большихъ и малыхъ?

К. Арнольди.